

УДК 29+39+81+913+93

А.К. Салмин

Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН
 Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, 199034, Россия
 E-mail: antsalmin@mail.ru

ИРАНСКАЯ ГЛАВА В ИСТОРИИ ЧУВАШЕЙ

Влияние иранской культуры на Восточную Европу никем не оспаривается. Исследователи пишут о южно-иранском потоке, который шел с юга от парфян, от Персии и Закавказья, и североиранском пути через Хорезм на Волгу. Менее всего известны иранские влияния до нашей эры на племена юга Сибири. Есть мнение, что предками чувашей были савиры/савары. Хотя тезис и остается открытым, он содержит достаточную почву для историко-филологических разысканий. В статье на примере материалов по географии, религии и языкам прослеживаются взаимоотношения между иранскими племенами и предками чувашей – савирами.

Ключевые слова: иранские племена, савиры, география, религия, лингвистика, взаимовлияние.

География. Открытое на Южном Урале поселение Аркаим идентично Вару, сооруженному Йимой по велению Ахура-Мазды. Неподалеку от Аркаима обнаружены захоронения с колесницами (могильник Синташта), раскопаны древние ступки. Отсюда, из полосы степей, во II тыс. до н.э. могла начаться экспансия ариев на юг [Гаты Заратуштры, 2009, с. 18].

О том, что население Кавказа с I по IX в. испытывало иранское влияние, говорит и сохранившаяся топонимия. Возьмем провинцию Пайтакаран, располагавшуюся в IV–V вв. на берегу Каспийского моря между низовьями рек Куры и Аракса. «*Пайтакаран* состоит из двух компонентов: *пайтак* – искаженное от *пайтахт* (на перс. яз.) – “столица” и *Аран* – местное название Албании. Пайтакаран означает “столица Арана”» [Ашурбейли, 1983, с. 26]. Название округа Хракот-Перож, входящего в провинцию Пайтакаран, получено путем слияния армянского слова *хракот* – «огонь» и иранского имени *Пероз*. Топоним Ротибага означает «река бога», а Баганрод – «река богов», т.е. река поклоняющихся богу (солнцу, огню). Как справедливо замечает С. Ашурбейли, эти топонимы свидетельствуют о поселениях вдоль рек и о бытовании культа огня. «Вероятно, Баганрод был центром одноименной области, расположенной в районе реки Баганрод (нынешней Булгарчай)» [Там же, с. 27]. Топо-

ним Атеш-и Багаван означает «огни города бога» и локализуется на территории Баку. Согласно византийскому автору V в. Приску Панийскому, гунны из Мидии в Скифию прошли путем, где «пламя поднимается из скалы подводной». Речь идет о бакинских вечных огнях, т.е. горении газа. Согласно преданию, Джумамечеть, находящаяся в крепости Баку, построена на месте древнего храма огнепоклонников. По описанию путешественника, видевшего ее в 1873 г., посреди мечети возвышались четыре арки (*чор-тāk*) без покрытия. Эти арки остались от храма огнепоклонников, переделанного в мечеть [Там же, с. 28]. В свою очередь, топоним Сураханы на персидском и татском языках означает «источник, бьющий из ямы».

Места, прилегающие к побережью, заняли разные народы, в их числе – аорсы, писал Плиний Старший [Plinius. Historia Naturalis, IV. 80]. Конечно, он имел в виду море Понтийское (Черное). В начале II в. территорию к северу от дельты Истра (Дуная), впадающего в Черное море, занимало множество племен. В их числе – сильные аланы [Дионисий. Описание ойкумены, 300–305]. Согласно Птолемею, выше Дакии жили певкины и бастерны, по всему берегу Меотиды – язиги и роксоланы, а далее внутрь страны – гамаксобии и аланы [Ptolemaei. Geographia, III. 5, 19]. Однако они не всегда оставались вблизи Кавказа или на Кавказе.

В 288 г., к примеру, аланы имели стычки с римскими войсками, возглавляемыми кесарем Константином, в Галлиях [Феофан. Хронография]. Как сообщал Аммиан Марцеллин, на востоке они были рассеяны между многолюдными племенами, их земли простирались до р. Ганга. В 375–378 гг. аланы с целью грабежа и охоты доходят до Меотийского болота и Киммерийского Боспора, даже до Армении и Мидии [Ammianus. Römische Geschichte, XXXI. 2, 16, 21]. Описывая события 395–396 гг., Клавдий Клавдиан называл и аланов. В частности, строка из поэмы «Против Руфина» «алан (*Alanus*), Меотиду отческу пьющий» [Claudian. *Invectives*, 312] позволяет говорить о побережье Меотийского озера как о месте обитания этого иранского племени в данное время. «Нашествие гуннов явилось причиной массового ухода алан в горы Центрального Кавказа и заселения обоих склонов Главного Кавказского хребта. Это была первая крупная волна миграции алан в горы Центрального Кавказа» [Калоев, 2009, с. 79]. В V–VI вв. они обитали к северу от Дербентского ущелья [Пигулевская, 1939, с. 111]. Сирийский историк Захария Ритор в 555 г. отмечал, что непосредственными соседями алан являются бургары, куртаргары, сабиры и авары [Захария. Хроника, XII. 7]. В V–VII вв. они занимали северокавказские степи от Кубани до Дагестана [Равеннский. Космография, IV. 2; Подосинов, 2002, с. 249].

Басилы кочевали в пространстве от низовьев Аракса и Куры до ворот Чора включительно [Хоренаци. История Армении, II. 85]. Их страну источники называют Берзилия (Феофан) или Верилия (Никифор). Михаил Сириец помещал ее на Северном Кавказе. А.П. Новосельцев полагал, что к Берсилии следует отнести также значительную часть Восточного Предкавказья и низовья Волги. В VIII–IX вв. так могла именоваться более ограниченная территория в пределах Северного (Приморского) Дагестана [Новосельцев, 1990, с. 79].

Буртасы занимали равнинную местность между хазарами и булгарами. Об этом, в частности, писали Ибн-Русте, Ал-Бекри и Гардизи. «Земля буртасов лежит между хазарскою и болгарскою землями, на расстоянии пятнадцатидневного пути от первой» [Ибн-Даста. Известия, II. 1]. А согласно эль-Балхи, от р. Итиля до границы Буртасии 20 дней пути [Ибн-Даста, 1869, с. 79]. «Некоторые совершают путь из страны буртасов в страну хазар по реке Итилю, на судне; другие едут сухим путем» [Бартольд, 1973, с. 58]. Страну буртасов в ширину и длину можно было обойти за 17 дней [Ибн-Даста. Известия, II. 5]. Ал-Бекри утверждал, что «земля их имеет в длину 1½ месяца пути и в ширину столько же» [1879, с. 62].

С середины VIII в. до середины X в. археологи отмечают буртасов в бассейне среднего Дона, куда те пришли из предгорий Северного Кавказа. Буртасы обитали в низовьях Волги выше современного Вол-

гограда. Согласно арабским источникам IX–X вв., их страна была расположена между Хазарией и Волжской Булгарией на расстоянии 15-дневного пути от хазарской столицы, а от г. Исиля до первых рубежей земли буртасов – 20 дней; между хазарами и буртасами нет никакого другого народа [Ал-Идриси, 2006, с. 120, 121]. По Гардизи (XI в.), страна буртасов простиралась на расстояние 17-дневного пути. Согласно Ибн Са'иду (XIII в.), их главный город расположен к востоку от г. ас-Сарир (горный Дагестан) и стоит на вершине горы Кирмāнийā (Западный Дагестан). «Буртасы занимают обширные территории по берегам реки Атил, которая течет к юго-востоку от них» [Ибн Са'ид, 2009, с. 32]. Через их земли проходили на север булгары. Как показывают источники, в Волжской Булгарии буртасы оказались значительно позже и булгар, и суваров. Полагают, что и в X в. это племя обитало намного южнее Булгарии. «У них [есть] два города – Буртас и Сувар», – писал Ал-Идриси [2006, с. 121]. Однако до этого он констатировал, что Сувар – город болгарский, а не буртасский. Также Ибн Хаукал ничего не сообщал о городах буртасов. Видимо, такой путанице есть объяснение. Известно, что буртасы после монголо-татарского нашествия смешались с булгарами, мордвой и чувашами. И во времена Ал-Идриси (1100–1165 гг.) сувары и булгары занимали один и тот же район Волжской Булгарии: на севере и западе – булгары, к западу и югу от них – сувары и вплотную к ним – буртасы. Таким образом, Ал-Идриси легко мог спутать принадлежность Суvara, расположенного южнее г. Булгар. Одновременно следует допустить, что Ал-Идриси не различал буртасов и суваров, одинаково занимавших в XII в. западную и южную окраины Волжской Булгарии. В Пензенской области около г. Городище находятся развалины г. Буртас. В Чувашской Республике есть три населенных пункта под названием Буртасы (*Pärtas*).

Савиры, живя на Кавказе [Salmin, 2013], имели тесные взаимоотношения с персидским миром. Птолемей, в частности, упоминал реку *Сура* (*Σοῦρα*) в Иберии [Ptolemaei. *Geographia*, V. 10, 2]. По-видимому, об этой же реке (в форме *Surius*), протекающей в Колхиде, писал Плиний [Plinius. *Historia Naturalis*, II. 106, 5]. Можно полагать, что гидроним *Сър* (в русском произношении – *Сура*) в Чувашии был принесен потомками савиров. Корень **ser-* /**sor-* /**sr* значит «двигаться», «струиться», «течь» и восходит к индоевропейской основе *sar-*, *sru-*. В Чувашской Республике встречается множество топонимов *Суръм* (по-русски – *Сорма*), также восходящих к понятиям «вода», «течь», «течение». Н.И. Егоров считает, что топоним *Сура*, несомненно, индоарийского происхождения [2003, с. 107]. Преимущественные связи савиров с Ираном объясняются географическим расположением. С Византией у них общих границ не было,

а соседние аланы закрывали горные проходы. В конце IV в. гунно-савиры оттеснили алан, проживавших в степях Предкавказья, в предгорья и горы Кавказа. Союзные отношения Византии и савиров не помешали большому отряду последних появиться в 528 г. в персидском войске, вторгшемся в Армению [Феофан. Хронография].

Религия. Сам термин *тён* пришел к суварам-чувашам из персидского языка в значениях «религия, вероисповедание», «закон, право». Та же семантика этого слова в авестийских, согдийских и вавилонских памятниках, а также в китайском, арабском, арамейском, древнееврейском, таджикском и других языках. Например, в авестийских источниках *daēna* значит «правильная, зороастрийская религия» [Гаты Заратустры, 2000, с. 299]. Отсюда *Денкарт* – «свод религиозных предписаний», ср. чуваш. *тён* – «религия», *карт* – «письмена на бирке».

«У них не видно ни храмов, ни святилищ, нигде не усмотреть у них даже покрытых соломой хижин; они по варварскому обычаю втыкают в землю обнаженный меч и с благоговением поклоняются ему как Марсу, покровителю стран, по которым они кочуют. О будущем они гадают странным образом: собирают прямые ивовые прутья, в определенное время раскладывают их с какими-то тайными наговорами и таким образом ясно узнают, что им предвещается» [Ammianus. Römische Geschichte, XXXI. 2, 23–24]. Идолопоклонниками назвал аланов и Гардизи (см.: [Бартольд, 1973, с. 61]). Констатацию этого факта Аммианом Марцеллином в 375 г. в целом можно применить как к гуннам, так и к савирам. Для них объектом поклонения служили отдельно стоящие деревья и другие примечательные объекты ландшафта. В это время на Кавказе христианство еще не имело силу.

Естественно, усиление влияния Византии через Албанскую церковь в Закавказье вызывало беспокойство шахского двора, издавна насильственно насаждавшего здесь зороастризм. «Не случайно, освободительное движение в Закавказье, как правило, носило религиозный характер и было направлено как против политического господства Ирана, так и против его государственной религии» [Джафаров, 1985, с. 87]. На этой основе возникали войны. Так, Агафий, описывая события последнего десятилетия V в., отмечал, что армяне боялись мести Кавада за разрушение храмов огня, но не намерены были подчиниться. Тогда Кавад собрал войска и взял верх. Тем не менее он обещал, что не станет принуждать к почитанию огня, если армяне будут его союзниками против ромеев. Из боязни армяне согласились [Иешу. Хроника, 24].

Одним из отличительных обрядов зороастрийцев был погребальный. Например, Агафий оставил рассказ о прощании с полководцем Мермероем. Обнаженное тело героя близкие вынесли за город, по

отцовскому обычаю, на растерзание нечистым псам и птицам, которые питаются трупами [Agathiae. Historiarum, II. 22]. В результате оставались голые кости. Если птицы и собаки не нападали на тело, то человек, считали, был порочных нравов. Тяжелобольных простых людей выносили за город еще дышащих и находящихся в сознании, рядом клали кусок хлеба, воду и палку, чтобы защищаться от хищников. Нередко эти отверженные возвращались домой. О следах зороастризма в Армении, Азербайджане и Дагестане писали многие (см., напр.: [Хоренский, 1877, с. 50]). Прямые его рудименты находим и в Волжской Булгарии через пять с половиной веков после Аммиана. Ибн-Фадлан, в частности, подметил: «Если заболит из их числа человек... никто из его домочадцев не приближается к нему. Для него разбивают палатку в стороне от домов, и он остается в ней до тех пор, пока не умрет или не выздоровеет. Если же он был рабом или бедняком, то они бросают его в дикой местности и отъезжают от него» [1956, с. 128]. Выживший в такой ситуации человек возвращался домой, в противном случае он доставался диким зверям и птицам. О ком идет у Ибн-Фадлана речь (о булгарах, сувах или эскелах) – неизвестно. Впрочем, обычай вкладывать в руку умершего палку для защиты от злых духов четко зафиксирован у чувашей. С этой целью использовали какой-нибудь прут, в основном таволговый. Чувашаи заготавливали таволгу задолго до своей кончины, что свидетельствует о традиционной вере в ее защитную функцию. Например, в начале XX в. в д. Трехизб-Шемурша (Буинский уезд) берегли таволговые прутья на случай смерти. В качестве заменителей таволги могли выступать мордовник, красная полынь или какая-нибудь засохшая жесткая трава. В тех же целях могли вложить в руку покойника тупой нож [Салмин, 2011, с. 295–296].

Р.М. Юсупов писал о надмогильных деревянных срубах у башкир. По его мнению, такие сооружения «свидетельствуют о бытовании в глубокой древности у предков башкир обряда наземных форм выставления покойников внутри срубов с целью отделения мягких тканей от скелета мелкими хищниками и птицами и дальнейшего погребения чистых костей в землю» [Юсупов, 2009, с. 60–61]. Конечно, речь идет о зороастрийской идеологии в религиозных воззрениях предков башкир, также являвшихся жителями Волжской Булгарии. «Совершенно очевидно, что каждый народ считает лучшим и справедливейшим тот обычай, к которому привык за долгое время его существования, а поэтому избегает, осмеивает и не доверяет всему тому, что делается в его нарушение», – заключил о данном обычае Агафий [Agathiae. Historiarum, II. 23].

Гунно-савиры, жившие в VII в. на Кавказе, «думали, что почитаемый ими бог *Куар* производил искры громоносных молний и эфирные огни. Когда молния

поражала человека или другое вещество, они приносили ему жертвы» [Каганкатваци, 1861, с. 93]. Таким образом, *Куар* у гуннов и савиров – это божество молнии. Слово *кăвар* относится к самому древнему пласту чувашской лексики и имеет этимологические параллели в иранских, европейских, тюркских, кавказских, финно-угорских, балтийских и других языках. В грузинской религии божество *Квириа* управляет огнем. «У мгрелов *k + var-i* ‘колобок’, ‘хлебец’, ‘лепешка’, в частности ‘культовая’, св. *kvar* (тавр. говор) ‘хлебец’... св. *kver-ōl* (халд. говор) ‘маленький хлебец’, обыкновенно выпекаемый для детей... раньше, несомненно, имевший значение ‘жертвенного хлеба’» [Марр, 1935, с. 265]. Укажем также на афганское *эвар* – «яркий» (о пламени) [Асланов, 1966, с. 615]. С.Г. Амаякян считает *Куера* божеством индоевропейского происхождения [1986, с. 13]. В качестве раннего источника этого слова исследователи указывают на язык Авесты. П.И. Лерх в рецензии на книгу «История агван», в частности, писал о том, что *Куар* напоминает иранское слово и ссылаясь на авестийское *hvarē*, означающее «солнце» [1861, с. 490]. В.И. Абаев находил это слово у осетин в форме *xur/xor* и у персов в форме *xwar* [1949, с. 18, 168]. И.М. Стеблин-Каменский, кроме древнеиранского *hvar* и согдийского *xwr*, указывает на варианты из ваханского языка и из языков шугнано-рушанской группы: *hvar* – «солнце», *xəwūr* – «солнцепек» и *hvar-tāpana* – «время около полудня» [1999, с. 415, 426; 1981, с. 239; Бикерман, 1976, с. 182, 183 (примеч. пер.)]. Таким образом, подтверждается гипотеза В.Г. Егорова о родстве чувашского *кăвар* с древнеиранским понятием «солнце». В этой связи исследователь напомнил древнее название Хорезма: персы называли его Хуваразмиш, арабы – Хваризм, т.е. «солнечная страна» [Егоров, 1964, с. 57]. Варианты слова *кăвар* зафиксированы в IX в. Ибн Хордадбеком: *ал-Хаварустан* (город в иранской провинции Шираз), *Къвар* (округ и город в Иране), *Хаварнак* (дворец в Месопотамии) [Ибн Хордадбех. Книга, 23, 76]. Если учесть, что у чувашей божество грома – *Аслати*, то понятию *Кăвар* соответствует божество молнии у гунно-савиров [Салмин, 2011, с. 102–106]. По этой же причине нуждается в корректировке следующее утверждение А.Б. Булатова и В.Д. Дмитриева: «...суварскому богу молнии и грома Куара соответствует чувашский бог Аслати Турă» [1962, с. 233]. Как видим, несмотря на то что *Кăвар* у савиров символизировал молнию, а также имел этимологическую и функциональную связь с божеством *Хёвел* – «Солнце», эти два понятия в последующем не закрепились за ним. Оказавшись в X в. на правобережье Волги, савиры/сувары окончательно стали оседлыми земледельцами, а за божеством *Кăвар* утвердился функция покровителя очага и семейного благополучия. При этом исконная семантика слова сохранилась.

Известно также, что божество Солнце характеризует верования скифов, почиталось оно массагетами. Эти народы, как и савиры, приносили в жертву Солнцу лошадь. Персы почитают воду, не моют ею даже лицо и другим образом не касаются, за исключением питья и поливки растений, писал Агафий [Agathiae. Historiarum, II. 24].

Согласно источникам, своих древних традиций придерживались буртасы. По крайней мере, к началу X в. среди них не было ни мусульман, ни христиан [Ибн-Даста. Известия, II. 3]. Замечание Якута о приверженцах ислама среди этого народа основано на недоразумении, а слова Истахри о булгарах были ошибочно перенесены на буртасов [Бартольд, 1963, с. 868]. Их традиции Ал-Бекри считал сходными с верованиями гуззов [1879, с. 62]. На уровне реконструкции допустимо, что и персоязычные буртасы вели зороастрийский образ жизни, но к X в. они приняли ислам.

Рассуждая об исконной религии народов Волжской Булгарии, А.Ф. Лихачёв заметил, что «она в силу давности и посторонних влияний очень искажена, но и в том виде, в котором мы ее находим теперь у чувашей, она изобличает свое происхождение от древней парсийской религии и была занесена к булгарам из Персии, вместе с большим количеством слов персидского языка, донные оставшихся в языке чувашей» [1876, с. 3]. Имело место влияние зороастрийской религии и через Согдиану (др.-перс. *Suguda*, перс. *Sōgd*, тадж. *Sughd*, греч. *Сугуд*, на чувашском – название ряда деревень и речки *Сăкăм*).

К числу заимствованных из персидского языка религиозных терминов следует отнести и *эрне* – «неделя, пятница» у чувашей. Б. Мункачи возводил его к персидскому **ādīna* и объяснял изменение *δ > z > r* в чувашском [Munkácsi, 1926]. В других персидских заимствованиях чувашского языка такое изменение не обнаруживается. Оно было характерно для персидского диалекта VII в. в окрестностях Баку и Дербента. Из него древние чуваше и заимствовали это слово в форме *ār'(i)ñä*. Как известно, пятница стала священным днем и для предков чувашей. Иранизмы до сих пор бытуют в чувашских деревнях в виде прозвищ. Например, в д. Старое Ахпердино Батыревского р-на живет Иван Салмин, более известный в народе как *Ахун Ванюк*. Естественно, *ахун* – персидское слово, вошло оно через ислам («ахун, старший мулла») и отражает исторические реалии.

Лингвистика. В фонетическом и отчасти лексическом плане имеются серьезные основания относить предков чувашей к индоиранцам. Например, как языку Ригведы, так и чувашскому характерно чередование звуков *r/l* [Бенцинг, 1986, с. 22; Ригведа, 1995, с. 456]. Как пишет языковед Н.И. Егоров, в X–VIII вв. до н.э. происходят ассимиляция восточноиранских племен (динлинов, археологически – кара-

сукцев) и формирование тюркского *R*-языка булгаро-чувашского типа (т.е. появление этнических огуров). Поскольку в восточно-иранском в середине и конце слов не было звонкого *z*, то они вместо тюркского *z* начинают произносить *r*. Таким образом возникает тюркский *R*-язык булгаро-чувашского типа, который в науке принято называть огурским [Егоров, 2009, с. 31]. Насколько это объяснение реалистично – сказать трудно по той простой причине, что пока нет прямых исторических свидетельств о тюрко-булгарах X–VIII вв. до н.э., тем более – о тюрках-савирах.

Б. Мункачи доказывал общность коневодческой терминологии во всех угорских языках и ее заимствование не из тюркских, как полагали некоторые исследователи, а из иранских или индоевропейских языков. Возникновение коневодческого кочевого быта у древних угров он объяснял соседством с ираноязычными кочевниками, возможно, с саками (см.: [Чернецов, 1953, с. 239]). В древнеиранский период угро-финны разделяются на этноязыковые группы. Лингвисты и историки утверждают, что в I в. до н.э. они заимствовали у иранцев как никогда много слов, даже называют точное количество – 57 [Вереш, 1996, с. 19], хотя на самом деле значительно больше.

В конце III – II в. до н.э. на Центральный Кавказ с Дона и из Нижнего Поволжья вторгаются ираноязычные племена – сарматы. Греческие и римские историки часто упоминают эти племена. Среди них и аорсы – одни из первых соседей савилов на Кавказе. Таким образом, савиры также подвергались глобальному иранскому воздействию – в антропологическом, культурном и лингвистическом отношениях. Например, общее для осетин и чувашей слово *дон/тан* – «вода, река» является наследием скифо-сарматских времен: скифо-сармат. *dānu*, отсюда – *Danuvius*. Притом авестийское обозначение реки (*dānu* – досл. «вода, река») сохранилось во многих гидронимах Южной России и Северного Причерноморья: Дон, Днепр, Днестр, Дунай, Донец. На рубеже эр прилегающие к ним территории были заселены скифами [Гаты Заратуштры, 2009, с. 172, 176]. Савирские следы находим в топонимике Осетии. Так, Дигорское ущелье прежде именовалось Сафари-ком, т.е. «Ущелье савилов». Аналогичное название имело поле у с. Тменикау [Цагаева, 1971, с. 148, 188].

Следует заметить, что остяки и вогулы после греко-македонского завоевания Ирана в среднеиранский период заимствовали из иранского языка примерно столько же слов, сколько мордва и черемисы. В последующее время у финно-угров появляется совсем незначительное количество иранских заимствований – называют от 12 до 30 слов. Данный факт, несомненно, говорит в пользу версии о наиболее тесных финноугорско-иранских этнокультурных взаимосвязях до I в. до н.э. Именно по этой причине, справедливо счи-

тает П. Вереш, «район Среднего Поволжья должен быть исключен из тех территорий, на которых ищут этногенез венгерского народа, хотя этот район в России является одной из территорий, лучше всего обследованной в археологическом отношении» [Вереш, 1996, с. 21]. Сказанное касается не только мадьяр, остяков, вогулов, черемисов и мордвы, но и савилов. Самое интересное то, что половина или чуть больше заимствованных слов относятся к восточно-иранским. Следовательно, финно-угры, а также исторические предки чувашей в I в. до н.э. имели прямые контакты не со всем иранским миром, а с восточными иранцами. Через посредство последних предки чувашей и венгров заимствовали ряд слов из монгольского языка, например, чуваш. *нүкер* и венг. *nyöger*, о чем писали А. Амбери, Б.Я. Владимирцов и Д. Немет [Németh, 1953, S. 23]. Монгольское слово *nökür* – «солдат, боец» в чувашском языке используется теперь в составе свадебного термина *кёрнүкер* – «старший дружка».

Общим для манси и чувашей следует считать слово «дом» – соответственно *kwäl* и *kil* [Munkácsi, 1905; Дмитриева, Адягаши, 2001, с. 25]. Б. Мункачи включал в этот ряд и удмуртское *kwala*. Конечно, сюда же следует отнести и марийское слово *куала*. Б. Мункачи ошибочно считал, что оно происходит из кавказских языков и указывал на лезгин. *k'el*, *k'val*, авар. *k'al*, хазар. *kel* в значении «дом». Желание венгерского исследователя найти предков непременно в Предкавказье понятно. Он также пытался на основе названий металлов локализовать финноугорскую прародину на Кавказе. Тем не менее Б. Мункачи корректно указал на наличие этого слова у манси и удмуртов, которые, как известно, не проходили кавказский маршрут вместе с савирами. Кроме того, слово означало не только обычный дом, но и дом, где проводили родовые, общинные и племенные моления, т.е. в прямом смысле храм. Поэтому следует констатировать, что персидское слово *кил* и его исторические, культовые и этимологические значения бытовали на юге Западной Сибири до нашей эры, не говоря уже о ностратических корнях этимона. Иранское *gil* могло попасть в язык юго-западных тюрков в период непосредственных контактов начиная с VI в. [Czeglédy, 1953; Дмитриева, Адягаши, 2001, с. 89] (дополнительно см.: [Golden, 2011, p. 228]). В чувашский язык оно могло войти через хазарское посредство, вытеснив первоначальное обозначение дома – *äiv*, от которого сохранилось единственное производное *avlan* – «жениться», т.е. «заиметь дом». Чужеродность слова *кил* проявляется и в том, что оно не имеет производных, хотя и является одним из наиболее часто употребляемых. Для иллюстрации приведем еще ряд иранских заимствований: лошадь – чуваш. *лаша* (осет. *lasæg*), конь – чуваш. *ым* (перс. *ahtā* – «конь кастрированный»), бык – чуваш. *вәкәр* (авест. *uxšā*). Сюда же относится чуваш. *турхан* – «тархан»

(согд. *try'n*, *trχ'n*, сак. *ttarkana*, осет. *tærxon*, вост.-иран. **tarkanaya-/tarkanī-*) [Дыбо, 2007, с. 119]. Чувашское слово *тёмен* в значениях «мир», «множество» является среднеиранским заимствованием. Источник – перс. *tūmān* «десять тысяч». В тюркских языках числительное явно связано с названием воинского подразделения [Там же, с. 126]. Персидское слово *γανυα* вошло во все тюркские языки. Зафиксировано оно и в поэме Юсуфа Баласагунского (XI в.). В чувашском языке означает «молва, слух, шум». Слово вошло также и в арабский язык [Наделяев и др., 1969, с. 196; Федотов, 1996, с. 304], а не наоборот, как полагал В.Г. Егоров [1964, с. 283]. Ср. также: авест. *suγd*, чуваш. *Сăкăт*; согд. *žayār*, чуваш. *сұхăр* – «кричать»; тадж. *савоб*, чуваш. *сăван* – «блаженство, благодарность» и т.д.

Н.В. Пигулевская считала, что «гуннское и тюркское письмо, которое названо скифским, было письмо согдо-манихейское или согдийское» [1941, с. 87]. Епископ Кардост, пришедший в 537 г. из Арана, принадлежал к области, населенной арийцами и, возможно, говорившей на одном из иранских наречий. Тогда вполне допустимо, что он владел согдийской письменностью. Одновременно «много оснований предполагать, что гунны, с которыми имели дело Кардост и Макары, были гунно-сабиры» [Там же]. Такая гипотеза подтверждается и тем, что византийские историки очень часто писали о «гуннах, называемых савирами». Выходцем именно из их среды был савирский князь Ἀμ(β)αζούρης, носивший иранское имя [Дёрфер, 1986, с. 100]. Конечно, имя третьего сына Куврата – Аспаруха также иранское (ср. иран. *asp-*, др.-бактр. *асра* «лошадь»).

«Этническая принадлежность буртасов остается спорной проблемой: их считают финно-уграми, тюрками или иранцами» [Коновалова, 2006, с. 146]. Сообщения восточных географов позволяют исключить из дешифровки этнонима *буртас* болгарский, хазарский и славянские языки. Термин не укладывается в арабскую графическую систему. Наиболее вероятным считается иранский язык. По мнению Г.Е. Афанасьева, первоначальной формой было написание, встречающееся у Бакри, – *фурдас*. Такой же этноним в форме *фуртас* встречается у персидского историка Рази. Первая часть *фурт* (или *бурт*, санскр. *путра*, скиф. *фурт*, осет. *фырт*, перс. *пур*) значит «сын», а вторая – *ас* – известное подразделение аланской этнолингвистической общности. «Поэтому этноним “фурт-ас” вполне можно перевести как “сын асский”» [Афанасьев, 1985, с. 93]. В пользу такой точки зрения свидетельствует и «Худūd ал-‘āлем», где говорится, что к востоку от Волги жили буртасы [Бартольд, 1930, с. 30]. Вне сомнения, слово состоит из двух частей, и вторая – *āсы* (или *ясы*) – указывает на связь с аланами. Также известно, что речь персоязычных буртасов отличалась от языков хазар и болгар. «Известие о том,

что они тюрки, конечно, не имеет значения, равно как и множество других этнографических известий арабов» [Ибн-Даста, 1869, с. 78].

В праязыке пермяков имеются заимствования из среднеиранского языка, весьма близкого к древнеосетинскому. Например: коми *емдон* ~ удм. *андан* ← иран., осет. *ændon* «сталь» (~ чуваш. *янтал/янтав?*); коми *гундыр* – «змея, дракон» ~ удм. *гондыр* – «медведь» ← иран., осет. *(kæf)qwyndar* – «дракон». В.В. Напольских склонен датировать эти заимствования V–VII вв. [2010, с. 13]. Тогда следует говорить о южных территориях обитания пермяков и о том, что предки коми и удмуртов вполне могли иметь контакты с западными иранцами, как и савиры на Южном Кавказе. В древнем и средневековом Ширване проживали как булгары, так и савиры, говорившие на персидском языке или по крайней мере понимавшие персидскую речь.

Этноним *баикорт*, интерпретируемый тюркологами как «главный волк», видимо, имел иранскую основу в форме *бачагурт*: *пача* – ср. чуваш. *ача-пăча* – «потомок, дитя, ребенок» + *гурт* – ср. чуваш. *кёрт* – иран. «волк», т.е. «потомки волка».

* * *

Как видим, основу языка и культуры населения Кавказа до IX в. составлял иранский субстрат. Кроме того, оказывали влияние армянский и тюркские языки. Прямые интенсивные контакты савиров с иранскими племенами (кроме персов, это – аорсы, аланы, массагеты, басылы и буртасы) имели место по крайней мере со II по IX в. На Кавказе савиры установили тесные взаимоотношения с персидским миром. За этот исторический период у них сложились общие религиозные воззрения. Сам экзоэтноним происходит от персидского *sāvar* – «всадник, наездник, умелый». Часть аланов и савиров, обитавших в Алвании, стали подданными римлян. Здесь они долгое время жили в тесном соседстве. А это, естественно, сказалось на их этнической культуре.

Список литературы

- Абаев В.И.** Осетинский язык и фольклор. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Т. 1. – 601 с.
- Ал-Бекри.** Известия о славянах и их соседях / издал и перевел барон В. Розен // Зап. Имп. Акад. наук. – 1879. – Т. 32. – С. 1–64.
- Ал-Идриси.** Отрада страстно желающего пересечь мир // Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. – М.: Вост. лит., 2006. – С. 108–275.
- Амаякян С.Г.** Государственная религия Ванского царства. – Ереван: Ин-т археологии и этнографии АН АрмССР, 1986. – 22 с.

- Асланов М.Г.** Афганско-русский словарь (пушту). – М.: Сов. энцикл., 1966. – 994 с.
- Афанасьев Г.Е.** Исчезнувшие народы: Буртасы // Природа. – 1985. – № 2. – С. 85–93.
- Ашурбейли С.** Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). – Баку: Элм, 1983. – 344 с.
- Бартольд В.** Введение // Худūd ал-‘āлем: Рукопись Туманского / введ. и указат. В. Бартольда. – Л.: Изд-во АН СССР, 1930. – С. 1–32.
- Бартольд В.В.** Соч. – М.: Наука, 1963. – Т. II, ч. 1. – 1024 с.; 1973. – Т. VIII. – 723 с.
- Бенцинг И.** Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. – М.: Наука, 1986. – Вып. I. – С. 11–28.
- Бикерман Э.** Хронология древнего мира: Ближний Восток и античность / пер. с англ. И.М. Стеблина-Каменского. – М.: Наука, 1976. – 336 с.
- Булатов А.Б., Дмитриев В.Д.** Параллели в верованиях древних суваров и чувашей // Учен. зап. Науч.-исслед. ин-та языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чуваш. АССР. – Чебоксары, 1962. – Вып. XXI. – С. 226–236.
- Вереш П.** Древневенгерская эпоха // Acta Ethnographica Hungarica. – 1996. – Т. 41. – С. 11–40.
- Гаты Заратуштры** / вступ. ст., пер. и коммент. И.М. Стеблина-Каменского // ВДИ. – 2000. – № 2. – С. 290–300.
- Гаты Заратуштры** / пер. с авест., вступ. ст., коммент. и прил. И.М. Стеблина-Каменского. – СПб.: Петербург. востоковедение, 2009. – 192 с.
- Дёрфер Г.** О языке гуннов // Зарубежная тюркология. – М.: Наука, 1986. – Вып. I. – С. 71–134.
- Джафаров Ю.Р.** Гунны и Азербайджан. – Баку: Элм, 1985. – 124 с.
- Дионисий Александрийский (Перизетгет).** Описание ойкумены / вступ. ст., пер. и коммент. Е.В. Илюшечкиной // ВДИ. – 2006. – № 2. – С. 234–251.
- Дмитриева Ю., Адягаши К.** Hungaro-Tschuvaschica: аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. – Чебоксары: ЧГИГН, 2001. – 239 с.
- Дыбо А.В.** Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд: пратюркский период. – М.: Вост. лит., 2007. – 222 с.
- Егоров В.Г.** Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
- Егоров Н.И.** Заговорят ли абашевцы?.. (К этимологии гидронима *Сура* и проблеме этноязыковой принадлежности создателей абашевской культуры) // Изв. Нац. акад. наук Чувашской Республики. – 2003. – № 4. – С. 93–114.
- Егоров Н.И.** Узловые проблемы ранних этапов огурибулгаро-чувашского этноплоттогенеза и современные проблемы алтаистики // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – Ч. 1. – С. 29–33.
- Захария Ритор.** Хроника // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы / сост. Е.Н. Мещерская. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – С. 570–597.
- Ибн-Даста.** Известия о хозарах, буртасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Британского музея / изд., пер. и коммент. Д.А. Хвольсон. – СПб.: [Тип. Импер. ун-та], 1869. – XIII, 199 с.
- Ибн Са‘ид ал-Магриби.** Книга распространения земли в длину и ширину // Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: Текст. Перевод. Комментарий. – М.: Вост. лит., 2009. – С. 19–75.
- Ибн-Фадлан.** Книга // Ковалевский А.П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. – Харьков: Харьков. гос. ун-т, 1956. – С. 119–148.
- Ибн Хордадбех.** Книга путей и стран / пер., коммент., исслед., указатели и карты Н.М. Велихановой. – М.: Наука, 1986. – 527 с., карты.
- Иешу Стилиг.** Хроника // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография: Исследования и переводы / сост. Е.Н. Мещерская. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – С. 598–648.
- Каганкатвацци М.** История агван. – СПб.: Импер. АН, 1861. – XV, 376 с.
- Калоев Б.А.** Осетины: ист.-этногр. исследование. – М.: Наука, 2009. – 472 с.
- Коновалова И.Г.** Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. – М.: Вост. лит., 2006. – 328 с.
- Лерх П.И.** [Рецензия] // Изв. Импер. археол. об-ва. – 1861. – Т. III. – С. 479–499. – Рец. на кн.: Каганкатвацци М. История агван. – СПб.: Импер. АН, 1861. – XV, 376 с.
- Лихачёв А.Ф.** Бытовые памятники Великой Булгарии. – СПб.: [Тип. Импер. АН], 1876. – 50 с.
- Март Н.Я.** Избранные работы. – М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – Т. 5. – XXI, 668 с.
- Наделяев В.М., Насилов Д.М., Тенишев Э.Р., Щербак А.М.** Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – XXXVIII, 676 с.
- Напольских В.** К начальным этапам этнической истории коми // Арт. – Сыктывкар, 2010. – № 2. – С. 10–21.
- Новосельцев А.П.** Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1990. – 263 с.
- Пигулевская Н.В.** Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. – 1939. – № 1. – С. 113–115.
- Пигулевская Н.** Сирийские источники по истории народов СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 171 с.
- Подосинов А.В.** Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты. Перевод. Комментарии. – М.: Индрик, 2002. – 486 с.
- Равеннский Аноним.** Космография // Подосинов А.В. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты. Перевод. Комментарии. – М.: Индрик, 2002. – С. 161–286.
- Ригведа:** Мандалы V–VIII / подгот. изд. Т.Я. Елизаренкова. – М.: Наука, 1995. – 745 с.
- Салмин А.К.** Энциклопедия традиционных обрядов и верований чувашей / The Encyclopedia of Chuvash Folk Rites and Beliefs. – Lewiston: Edwin Mellen Press, 2011. – 408 p.
- Стеблин-Каменский И.М.** Памирские языки и мифологии древних иранцев // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тысячелетие до н.э.). – М.: Наука, 1981. – С. 238–241.
- Стеблин-Каменский И.М.** Этимологический словарь ваханского языка. – СПб.: Петербург. востоковедение, 1999. – 478 с.: ил.

Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – Т. II. – 511 с.

Феофан Исповедник. Хронография: Текст на др.-греч. и рус. яз. / пер. и коммент. И.С. Чичурова // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. – М.: Наука, 1980. – С. 24–144.

Хоренаци Мовсес. История Армении / пер. с др.-арм., введ. и примеч. Г. Саркисяна. – Ереван: Айастан, 1990. – Л, 291 с.

Хоренский М. Армянская география VII века по Р.Х. / пер. с др.-арм., примеч. и изд. К.П. Патканова. – СПб.: [Тип. Имп. АН], 1877. – XXVIII, 84, 26; 2 карты.

Цагаева А.Дз. Топонимия Северной Осетии. – Орджоникидзе: Сев.-Осетин. НИИ истории, экономики, языка и литературы, 1971. – Ч. 1. – 238 с.

Чернецов В.Н. Усть-полуйское время в Приобье // МИА. – 1953. – № 35. – С. 221–241.

Юсупов Р.М. Древние этапы этно- и расогенеза башкир и происхождение этнонимов «башкорт» и «иштяк» // Проблемы востоковедения. – Уфа, 2009. – № 4. – С. 59–61.

Agathiae Myrinaei. Historiarum libri quinque. Ἱστοριῶν. – Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1828. – XXXVII, 420 p.

Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte / Latenisch und Deutsch und mit einem kommentar versehen von W. Seyfarth. – B.: Akademie-Verlag, 1970. – Т. 3, В. 22–25. – 255 S.; 1971. – Т. 4, В. 26–31. – 400 S.

Claudien. Œuvres. – P.: Les belles lettres, 1991. – Т. I: Le rapt de Proserpine texte établi et traduit par J.-L. Charlet. – XC, 195 p.

Czeglédy K. A kazár *kil~kel* eredete // Magyar Nyelv. – 1953. – N 49. – P. 175–178.

Golden P.B. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. – București: Editura Academiei Române, 2011. – 424 p.

Munkácsi B. Čuwaš. *kil* „Haus“ // Keleti Szemle. – Budapest, 1905. – Köt. 6. – Old. 184.

Munkácsi B. Die heidnischen Namen der Wochentage bei den alten Völker des Wolga-Uralgebietes // Kőrösi Csoma Archivum. – Budapest, 1926. – Köt. 2. – Old. 42–64.

Németh J. Wanderungen des mongolischen Wörter *nökür* ‘genosse’ // Acta Orientalia Academiae scientiarum Hungaricae. – 1953. – Т. III, f. 1/2. – S. 1–23.

Pline l’Ancient. Histoire Naturelle. – P.: Les Belles Lettres, 1980. – Liv. V, 1ère partie: 1–46 (L’Afrique du Nord) / texte établi, traduit et commenté par J. Desanges. – 501 p., maps.

Ptolemaei Claudii. Geographia. – Lipsiae: Simptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1843. – Т. I. – XXIV, 284 p.

Salmin A. The Savirs in the Caucasus // Acta Ethnographica Hungarica. – 2013. – Vol. 58, N 1. – P. 197–201.

Материал поступил в редколлегию 29.05.13 г.
в окончательном варианте – 01.06.13 г.